

М. В. Баранова¹

ЯЗЫКОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Внедрение новых технологий, смена ценностных ориентиров, значимые преобразования в политике и культуре, обусловленные формированием многополярного мира, детерминируют модернизацию бытия современного российского социума. При этом право неизменно сохраняет свой регулятивный потенциал, представляя собой действенный инструмент, особый гарант, фундамент для упорядочения общественных отношений, разрешения конфликтов, защиты прав.

Специфику функционирования права в условиях быстрой смены событий и новых политико-правовых доминант характеризует, во-первых, взаимообусловленность его трансформации изменениями в социуме. Негативные и позитивные начала при этом сосуществуют, порождая креативные направления дальнейших преобразований сферы права.

Во-вторых, усиливающаяся юридикация отношений актуализирует важность юридической практики, значимость виртуозного владения специалистом технико-юридическим инструментарием, языком права, понимания ценности языковой правовой культуры. Одновременно юридикация подразумевает возможность освоения гражданами приемов и способов самостоятельного получения правовой информации. При активном внедрении цифровых технологий это становится реальным, причем изменение мирового политического «ландшафта» не создает помех для доступа к значимым юридическим сведениям. Государственные властные веления транслируются через знаковую языковую систему, что позволяет обеспечить системность, корректность, точность их понимания при условии владения спецификой юридического языка.

В-третьих, активное внедрение цифровых технологий предоставило условия для доступности юридической информации, что позитивно повлияло на скорость и эффективность работы представителей юридической практики и правоведов. Однако порой обманчивое впечатление дилетантов о простоте обращения со столь доступным юридическим текстом, отсутствие сформированной системы знаний и правовых речевых ценностей неизбежно влечет ошибки в понимании регламентации и искаженное представ-

ление о языке права, вызывает серьезные проблемы при правореализации.

Научное осмысление специфики функционирования права в условиях современных реалий позволяет проявить новые аспекты значения языка права, юридического языка, языковой правовой культуры для эффективности этого процесса.

Для понимания феномена языковой правовой культуры определяющей является сущность правовой культуры в целом, которая, по мнению Е. В. Спекторского, «выражена Ульпианом в двух словах: *justitiam colimus*. Слово *colimus* при этом употреблено в двояком смысле: культа и культуры. И посему формула римского юриста означала и „мы чтим справедливость“, и „мы ее возделываем“ (лат.). Справедливость для настоящего юриста действительно является предметом почитания»². Солидаризируясь с мнением российского правоведа и философа, следует признать безоговорочную ценность справедливости, акцентировав внимание на особой роли языка права, языковой правовой культуры, позволяющей создавать действенную нормативную базу, регулировать и обеспечивать юридическую коммуникацию в профессиональной среде и за ее пределами.

«Явлениями, образующими правовую культуру, традиционно выступают: правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность, материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность, юридические акты»³. Безусловно, видение элементного состава правовой культуры зависит от парадигмы исследователя, позволяет варьировать, включая в состав более широкий спектр ценностей, выработанных человеком в правовой сфере, например язык права, иные технико-юридические элементы.

Опираясь на понимание правовой культуры как уровня развития юридических явлений и инструментов, находящегося в неразрывной взаимосвязи с ценностным содержанием всей правовой сферы, включая язык права, можно предложить следующее определение понятия «языковая правовая культура».

Языковая правовая культура — часть правовой культуры, отражающая уровень развития юридического языка, специфику его содержательной стороны, детерминирующая, формирующая, модернизирующая, сохраняющая правовые речевые ценности, фиксирующая и регулирующая технико-юридические аспекты воплощения запретов, дозволений, обязываний, терминов в устной и письменной речи в конкретный временной период.

Здесь представляется значимым отметить, что знаковые системы, используемые в современном мире, в той или иной степени востребованные правом, раз-

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 227 научных и методических публикаций (15 в журналах, индексируемых в Web of Science), в т. ч.: «Право и реклама (общетеоретический аспект)», «Юридическое извинение как эффективный способ разрешения конфликтов», «Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры», «Невластное начало юридической техники в ранних работах К. Маркса», «Правовые мемы в обществе программируемых коммуникаций», «Новизна юридических исследований в контексте норм этоса науки», «Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло?» и др. Член Экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи. Награждена медалью МВД России «За заслуги в научной и педагогической деятельности».

² Спекторский Е. В. Христианство и культура / сост., вступ. ст. и примеч. П. Е. Бойко, Л. А. Бойко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 230.

³ Ромашов Р. А., Шукишина Е. Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // Правовая культура. Саратов, 2006. № 1. С. 60.

личны. Так, элементы искусственного интеллекта, сложное программное обеспечение требуют использования соответствующего языка. При этом сегодня активную дискуссию вызывает «...концепт машиночитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования»¹. Возникает вопрос: будет ли этот специфический язык (знаковая система), необходимый для обеспечения деятельности искусственного интеллекта применительно к правовой материи, являться языком права? Это элемент языковой правовой культуры? Как будет соотноситься этот элемент с остальными «типичными» составляющими? С высокой долей уверенности можно утверждать, что единая система элементов языковой правовой культуры («типичных» и «инновационных») со временем будет разработана и послужит для повышения эффективности функционирования права, неизменно сохраняющего позиции регулятора, защитника, инструмента выхода из конфликта.

Однако не только искусственный интеллект требует особого подхода для обеспечения понимания языка права — люди часто не единообразно воспринимают содержательное наполнение нормативных установлений, испытывают сложности при толковании-уяснении и толковании-разъяснении, тем более в условиях наметившейся несистемной конвергенции понятийного аппарата юридических и неюридических наук. Четкий юридический язык формирует юридическое мышление, присущее представителям правовой доктрины и юридической практики. Таким образом, объединяются сущность юридического языка и цель его существования. Качество профессиональной деятельности зависит от унифицированного понимания терминологии, требует навыка в употреблении специальных юридических терминов. Стандартизация юридического языка представляет собой путь к эффективности языковой правовой культуры как особого регулятора. Попытки стандартизировать язык (не в праве) предпринимались Бенджамин Уорфом, создавшим «стандартный среднеевропейский» язык, Джеймсом Куком Брауном, разработавшим искусственный язык «логлан»². Эти разработки были нацелены на преодоление неточностей и противоречий, создание особой гармоничной действительности. Возможно, отдельные аспекты данных разработок перспективно помогут в исследованиях, направленных на совершенствование технико-юридических аспектов создания и функционирования юридической терминологии. В настоящее время дополнительную сложность представляют термины, созданные посредством транстерминологизации, поскольку их перенос из другой отрасли знания требует большого объема знаний в сопредельных областях и навыка

«транспортировки» понятия и его адаптации в правовой среде.

Нормативное закрепление единого понятийного аппарата позволяет обозначить широкий спектр государственно-правовых явлений, зафиксировать властное веление в норме права. «В настоящее время дефиниции составляют значительную часть понятийного аппарата действующей системы законодательства, во многом способствуя ее формальной определенности»³, совершенно справедливо утверждала Л. Ф. Апт. Именно терминологический комплекс, присущий языку права в целом, позволяет достичь большей степени правовой определенности. Конструирование дефиниций представляет собой сложный процесс, требующий высокого уровня профессиональной подготовки. Не случайно профессор А. С. Пиголкин особо отмечал, что дефекты дефиниций препятствуют правильному пониманию и применению нормативного правового акта, негативно влияют на механизм правового регулирования общественных отношений, поскольку определения понятий — это нормы особого рода, органически включаемые в механизм правового регулирования⁴.

Уровень языковой правовой культуры определяется качеством юридического языка, особенно это касается понятийного аппарата, являющегося фундаментом для адекватного восприятия норм — правил поведения. Иллюзия легкости в обращении с правовыми предписаниями, свойственная отдельным людям, не имеющим специальных юридических знаний, может привести к непоправимым последствиям в ходе необдуманной реализации. В большинстве случаев право требует профессионального обращения, вдумчивой работы профессионала, владеющего всей полнотой технико-юридического инструментария и языком права. Здесь весьма актуальным представляется обратиться, например, к идее о возможной перспективной профессиональной подготовке лиц, занятых в сфере создания государственных властных велений. О необходимости профессионализации процесса нормотворчества в работе «Нормрайтер как профессия» писал профессор В. М. Баранов. Он отмечал, что следует признать необходимость организации подготовки, обучения специалистов в сфере нормотворческой деятельности различного уровня — «нормрайтеров». Это специалисты, которые не принимают нормативные правовые акты, а именно пишут их, разрабатывают структуру и архитектуру документа⁵. Подготовка таких специалистов должна включать знание языка и владение языковой правовой культурой. Качество профессионально созданных нормативных правовых актов в конечном счете усилит правореализационный потенциал и повысит эффективность функционирования права в целом.

³ *Апт Л. Ф.* Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–32 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Папуркинского. Н. Новгород, 2007. С. 71–72.

⁴ *Язык закона* / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 129.

⁵ *Баранов В. М.* Нормрайтер как профессия // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2017. № 6. С. 21.

¹ *Понкин И. В.* Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. С. 25.

² Подробнее см.: Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. Гл. 12.

Сегодня активная трансформация бытия, внедрение достижений науки и техники не меняют доминантные сущностные черты права, но позволяют иначе воспринять привычные элементы, увидеть в нетипичном ключевые потенциальные перспективы их развития, новые функциональные возможности. Язык права, языковая правовая культура представляют собой обязательную базовую основу права, обеспечивают его устойчивый фундамент. Интересна идея, отраженная в работе В. А. Гольцева «Воспитание, нравственность, право»

(сборник статей), где автор указывает на безусловную ценность некоего минимума неприкосновенной нравственной сути гражданина, проводя аналогию с принципом *Existenz minimum*, принятым в учении о финансах XIX века¹. Оценивая место языка права, языковой правовой культуры, следует признать, что эти феномены обеспечивают устойчивость правовой материи, выполняют роль *Existenz minimum* для эффективного функционирования права, поступательного развития правовой науки и юридической практики.

¹ Гольцев В. А. Нравственность и право // Воспитание, нравственность, право. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1897. С. 151–152.